

Нелюбовь Веры

На желтой, будто глянцевой, бумаге обоев – белые цветочки, овитые салатowymi веточками с жилистыми маленькими листиками. Пошлость. Вера закрыла глаза. Лежа в чужой постели с человеком, которого она не любит, Вера пыталась понять, за что она так сильно себя ненавидела.

Вся ее жизнь была построена вокруг стремления к любви. Она желала, чтобы ее любили – так она думала всегда, и только сегодня поняла, что это желание – иллюзия, выросшая из детских безвкусных книжечек о «жили долго и счастливо». Сменялись лица и тела, а Вера все так же платила презрением за любовь и любовью за презрение. Что же она получила по итогам такого бартера? Отвращение к себе и ощущение полной беспомощности и незащищенности. Со временем ненависть пожрала все ее нутро, и теперь ей казалось, что там ничего не осталось. Пусто. Не было больше ни желаний, ни веры, ни света. В детстве Вера больше всего боялась оказаться в пустой темной комнате в одиночестве, но все перевернулось, и теперь она сама стала такой комнатой, которая отпугивала людей. По крайней мере, ей так казалось.

Вера приподнялась на локте, чтобы получше разглядеть его. Что она о нем знает? В сущности, не очень много – он на три года младше ее – ему 23, его имя Никита, он инженер и занимается военной техникой, ему не понравился «Повелитель мух», но он восхищается Айн Рэнд, его любимое место в Москве – Парк Горького, он может напиться до беспамятства, катается на горных лыжах, неплохо танцует и ест сладкую кукурузу после секса – но этого знания было достаточно, чтобы убедить себя в том, что она его не любит.

Вера соскользнула с постели, оделась и стала собираться – через полчаса ей нужно было выйти.

– Уходишь? – Никита проснулся и потянулся за телефоном.

– Да, мне в два часа надо быть в больнице. Не бойся, я не болею, – Вера отвечала ровным тихим голосом.

– Какая еще больница?

– Я волонтер в центре паллиативной помощи. Я тебе говорила, – нежелание или неспособность парней запоминать что-то важное для Веры всегда выводило ее из себя, но сейчас она не стала этого показывать.

– А, это. Что-то припоминаю. погоди, я тебя провожу.

– Проводишь меня? До метро? – Вера недоверчиво нахмурилась и взглянула на него исподлобья.

– Ну, нет. Я имел в виду здесь, в квартире, провожу до двери. Провожать девушку до метро – это не мое, ну, ты знаешь.

– О, Боже, этот ответ на слух звучит гораздо отвратительнее, чем должен. Сами слова, то, как ты их произнес – куда хуже смысла этих слов, – Вера была возмущена, но

одновременно она испытывала облегчение – сейчас она уйдет из этой квартиры одна, и это липкое вязкое ощущение пройдет.

– Странная ты, – Никита слез с кровати и вышел из комнаты.

Вера уже надевала обувь в коридоре, когда он вышел из ванной в длинном сером махровом халате. Когда они приехали к нему вчера ночью, он первым делом повел ее в душ, и ей на глаза попался этот халат. «Уродливый, надеюсь, это не его», – промелькнуло у нее в голове, когда она стягивала с себя джинсы. Теперь был день, она была одета, а он стоял перед ней в этом ворсистом халате. Все было ровно так, как не должно было быть, и от этого казалось более реальным.

– Душно. Я пойду, – Вера выжидательно смотрела на него, не совсем понимая, что именно она ждет.

– Ну пока, – он отпер дверь, и Вера вышла. Она небрежно вскинула ладонь вверх – прощальный жест, но не стала оборачиваться. Спиной она чувствовала, что он задержался взглядом на ее шее или выше – там, где начинали вихриться ее курчавые волосы. Кажется, она даже слышала короткий смешок, но потом дверь захлопнулась.

На улице было тихо, пасмурно и сыро. Вере очень хотелось прямо тут сесть на лавочку, раскрыть блокнот для зарисовок и в мельчайших подробностях запечатлеть это утро в непропорционально длинной комнате с желтыми гляцевыми обоями. Она представляла, как будет подбирать цвет его волос, как закрасит маленький треугольничек над его виском белым (именно этот клочок седины, который так контрастировал с его темными прямыми волосами, живыми серыми глазами, вскинутым подбородком, ровным цветом кожи, тонкой полоской губ, привлек ее внимание в тот вечер два месяца назад), как будет вырисовывать вспученные бугры ее плохонькой, практически мертвой подушки, как вычертит ровными линиями строгую форму его ортопедической подушки. Она назовет этот рисунок «Утро. Опустошение». Люди увидят его и поймут, что любви больше нет, что ее никогда и не было. И всем станет легче – кто-то, наконец, перестанет добиваться от других этого невозможного чувства, кто-то почувствует, что он него отстали и больше не требуют того, чего он не в состоянии дать. Люди будут жить, как раньше – без любви, но теперь они не будут чувствовать себя несчастными, ненужными, дефектными, они будут просто дышать. Но времени на это у Веры не было. Надо было ехать в центр. И люди так и не узнали, что любовь ушла, а нелюбовь осталась. И не с кем было ее разделать. Это была только ее, личная, никому больше не принадлежащая Верина нелюбовь. Нелюбовь Веры.
